

ТИБЕТСКАЯ ДРАМА

Ю.Н. Рерих

Драматическое искусство играет большую роль в жизни всех наций. Ибо с самых ранних пор своего существования народ стремится облечь свои мифы и свой религиозный опыт в форму игрового действия. А из игрового действия вырастает театр, одна из самых мощных по силе воздействия форм искусства.

Эта истина особенно справедлива для Востока, где миф пронизывает все стороны жизни и делает драму неотъемлемым средством национального самовыражения. Ашвагоша, великий индийский провидец и один из величайших Учителей, был драматургом. Именно через посредство театра показал он людям свет учения буддизма, сияющий во все времена.

Продвигаясь дальше на север в глубь Тибета, в буддийские страны, мы сталкиваемся с драмой как частью религии. Так же как первые миракли* и мистерии находили покровительство в лице церкви, отцами тибетского театра являются лама и монастырь.

Представления ламами мистерий и связанных с ними танцев происходят в дни священных праздников. Высоко в горах, в белом сиянии гималайского солнца, ламы рядятся в костюмы святых и демонов, чтобы поведать историю о приключениях духа, подобно тому как мы рассказывали историю «богочеловека» в нашей ранней драматургии.

Великий деятель современности профессор Николай Рерих во время своей экспедиции в сердце Азии, где он пребывает и сегодня, посетил тибетские монастыри и смог увидеть мистерии и танцы, многие из которых до сих пор не открывались взору представителя Запада.

Как художник и как человек, которому открылся восточный дух, Рерих заслужил безусловную любовь и почитание Востока. Восток принял его как сына и вручил ему ключи от своего сердца и своей души. Именно благодаря поездкам по монастырям, находящимся в различных частях буддийского мира, Рерих смог поведать о мираклях, исполняемых ламами как Желтой, так и Красной сект — двух сект Тибета.

Профессор Рерих знакомился с Тибетской драмой во время религиозных праздников. Со всей округи, а также издалека съезжаются в монастыри паломники, чтобы принять участие в обрядовой церемонии, и утром, перед началом священнодействия, предстают во всей красоте своего национального самовыражения.

* Жанр западно-европейской религиозно-назидательной стихотворной драмы, сюжет которой основан на чуде, совершаемом каким-либо святым или Девой Марией.

Н.К.Рерих. Зов. 1944

То здесь, то там под расцветченными навесами палаток собираются группы. В центре одной из них лама нараспев произносит тантрические песни под аккомпанемент ручных барабанов и гонгов. Невдалеке группа непальцев хлопает в ладоши в такт пению. Посередине женщина, с неподвижно застывшими чертами, танцует шерпу — танец, полный магических жестов, — изредка прерывая его, чтобы обозначить кистями рук порхающее движение и издать странный возглас, похожий на птичий крик. Так, в сопровождении музыки, паломники ожидают начала священного обряда, иногда танцуя вокруг священных ступ или напевая что-то вроде: «В монастыре обитает наш Повелитель Будда. Мы приносим ему подношение».

В ритуальных пьесах тибетцев мы находим выразительные средства, абсолютно свободные от внешнего влияния. Эти пьесы исполняются в монастырях по особым случаям, поэтому их редко удастся увидеть европейцу. Путь к монастырям зачастую полон опасностей, поскольку большинство священных мест находится на высоких, недоступных горных вершинах. Таков, например, Ташидинг, на пути к которому приходится не только преодолевать горные потоки и скалистые выступы, но и проходить по раскачивающемуся из стороны в сторону бамбуковому мосту, грозящему с каждым шагом низвергнуть вас в пучину в несколько сот футов глубиной.

Обрядовые пьесы, тем не менее, заслуживают того, чтобы проделать эту трудную дорогу. Будучи наполнены многообразными символами, они проникнуты духом Востока и облечены в прекрасные формы. Их исполняют ламы в дни праздников, причем представление совершается дважды, один раз днем, на глазах у всех собравшихся паломников, и еще раз вечером, когда церемония обретает настоящую ритуальную значимость и наполняется тайными магическими формулами.

Эти пьесы сопоставимы с нашими собственными мираклями и мистериями, с той, естественно, разницей, что они пронизаны восточными верованиями и благоговейным отношением к восточным обрядам. Представления открываются чтением молитвы, произносимой нараспев ламой. Нужно отметить, что все молитвы произносятся с музыкальным сопровождением. Например, чтение молитв,

при котором мы присутствовали, происходило под мягкий аккомпанемент труб и раковин.

По окончании молитвы в воздух взлетает берущий за душу, пронзительный рев труб, составленный из целого хора инструментов огромной длины — до десяти футов и даже больше, издающих более низкий и звучный тон, чем любой из западных образцов. Двигаясь в быстром ритме, он взбирается на октаву выше, и такой музыкальный рисунок повторяется на протяжении всего танца, подобно самому голосу природы. К этой основной ноте добавляется звучание барабанов, гонгов и флейты, время от времени перемежающееся с перезвоном серебряных колокольчиков и ударами дисков. В дополнение к барабанам, отбивающим ритм, имеются «поющие» барабаны, на которых исполняется подобие мелодии. Однако роль основной музыкальной линии отводится флейте — инструменту, имеющему около ярда в длину и обладающему чрезвычайно богатым звучанием.

Танцы, сопровождающие представление, очень ритмичны, причем на ритмику не влияет ход повествования, в котором речь может идти, например, о приключениях духа после смерти. Перед глазами зрителей предстает дух мертвого тела в окружении хранителей кладбища — они должны присматривать за его благополучием. Злые демоны начинают строить козни, желая поймать душу в свои сети, однако все их заклинания, все магические жесты не приносят никаких плодов. Затем в действие вступают добрые духи, которые, в конечном итоге, получают власть над душой, отправившейся в иной мир.

Во время представления перед зрителями разворачивается многообразие танцев, исполняемых как сольно, так и группой актеров. Вот, например, появляется зловещая фигура Владыки Ада, чей причудливый танец сопровождается широкой жестикуляцией и магическими движениями. Или зритель наблюдает интерлюдия в виде вихревого танца «черных монахов» или «духов животных».

На протяжении всего действия героической доминантой является фигура религиозного защитника, Гуру, который присутствует рядом с духом и заботится о том, чтобы направить его во власть Света. Представление не лишено юмористической линии — время от времени в центре действия оказываются затейники, чем-то напоминающие наших клоунов. Самая красивая часть церемонии приходится на перерывы, когда появляется процессия лам, бросающих в воздух подношения (например, рис и благовония), чтобы ублажить духов природы и добиться их расположения на грядущий год.

Когда профессор Рерих наблюдает танцы буддистов, веселье ночных обрядовых действий, пылающих рядами жертвенных огней, перед его глазами вновь встают азиатские орды. «Именно так, — пишет он, — орды Чингиза и Тимура проводили свои ночные игрища. Так же высились знамена и копья. Так же бешено бились гигантские барабаны и звенели гонги. Это забавы Азии-Завоевательницы — радость Азии объединенной!»

«Тибетское искусство сопутствует тайне, оно вышло из колыбели человечества. Это особый очаг, к которому в свое время будут направлены устремления и поиски. Нужно лишь стучаться в двери этой красоты — без угроз, без оружия, без грабежа. С полнотой истинно нового знания должны мы собирать жемчуг глубокого и личного достижения».

Дарджилинг, [1925]

Перевод с англ. Татьяны Самариной